Цѣна 75 коп.

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

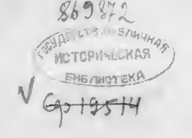
№

С. АРЕФИНЪ.

НА РОДИНѢ.
ВЪ НЕДАВНІЕ ДНИ

1919.

На родинѣ.

(Очеркъ).

I.

За четыре года, что Цыганковъ не былъ въ родныхъ мѣстахъ, станція разрослась, обстроилась. Прибавились новые дома, сараи; деревья стали выше и гуще.

Поселокъ при станціи тоже увеличился. протянулся вдоль дороги за балку, сталъ какъ будто уютнѣе и болѣе похожъ на жилое мѣсто, а не на случайно и не надолго осѣвшее кочевье...

Когда уходили на войну, не было тѣхъ вонъ крытыхъ желѣзомъ домовъ и лавокъ.

— Должно быть, ссыпщикъ Перепелкинъ разжился... обстроился,—думалъ Цыганковъ, шагая по широкой грязной улицѣ и разглядывая знакомую и странно измѣнившуюся обстановку.

— Какъ-то наши теперь?

Въ тысячный разъ задавалъ онъ себѣ все тотъ же вопросъ и не находилъ отвѣта.

Въ первые годы плѣна, хоть и рѣдко, но все же доходили письма съ родины. Въ послѣднее время вѣстей не было никакихъ.

— Живы ли?—не разъ спрашивалъ себя тамъ, на чужбинѣ, Цыганковъ, и какая-то внутренняя увѣренность заставляла говорить себѣ:

—„Живы—Богъ дастъ!“.

Въ плѣну и дорогой по Австріи, когда раскрылись сами собою крѣпкіе дотолѣ лагери, и Цыганковъ вмѣстѣ съ товарищами безъ особыхъ хлопотъ, пропусковъ и документовъ „взяли и поѣхали домой“, эта увѣренность была сильна, ярка и ни разу не колебалась ничѣмъ Но вотъ добрались до „Рассеи“. Пошла въ поѣздахъ знакомая рѣчь, безпорядокъ, тѣснота, грязь и холодъ; на станціяхъ нельзя стало добыть ни кипятку, ни хлѣба; стали все чаще и чаще выносить изъ теплушекъ коченѣвшіе за ночь трупы несчастныхъ, выдержавшихъ продолжительныя муки плѣна и не вынесшихъ дороги въ родной странѣ, за счастье и цѣлость которой они въ свое время рисковали жизнью; чаще и чаще стали попадаться полуразрушенныя станціи, разграбленныя и выжженныя села и деревни. И увѣренность Цыганкова стала меркнуть и переходить уже въ тревожное ожиданіе:

— Что-то Богъ приведетъ увидать дома?!...

Тяжелый, полный лишеній и страданія путь остался позади. Еще немного—двадцать верстъ пѣшкомъ въ сторону отъ желѣзной дороги,—и Цыганковъ дома, среди своихъ, въ своемъ углу, въ своей хатѣ, у своего хозяйства.

Чѣмъ ближе оставалось до дому, тѣмъ нетерпѣливѣе хотѣлось узнать, все ли тамъ благополучно?..

На станціи знакомыхъ не было никого. Цыганковъ пробовалъ было спросить проходившаго по пустому залу сторожа, но тотъ былъ нездѣшній, опредѣленнаго ничего не могъ сказать, а только хуже растревожилъ:

— Кто жъ его знаетъ? Слышно, кругомъ пожгли!.

— Да вотъ Петровскій поселокъ,—допытывался

Цыганковъ:—на Голой балкѣ... отрубщики за нимъ сидятъ.

— Не знаемъ, милый человѣкъ... не слыхали какъ будто... Болтаютъ, все чисто пожгли, а гдѣ, кого, —намъ ни къ чему!...

И добавилъ какъ-то загадочно:

— Дѣловъ, словомъ, понадѣлали довольно!.. Ха-а-рошую память по себѣ оставили большевики!.. долго помнить будемъ, не забудемъ!...

Неопредѣленныя загадочно-тревожныя слова сторожа заставляли безпокоиться.

Впервые, собственно, шевельнулась гдѣ-то глубоко-глубоко мысль о возможности неблагополучія дома съ родными.

— А что какъ?...

Но не хотѣлось давать ей воли, надо было приглушать ее въ корнѣ.

— Дойду, увижу... чего тамъ?!—думалъ Цыганковъ.

Разспрашивать дальше онъ не сталъ, а вышелъ со станціи и, подобравъ валявшійся около ближайшаго двора колъ, рѣшительно тронулся въ путь, разсчитывая къ вечеру добраться домой. Но, пересѣкая поперечную улицу, онъ увидалъ въ ней около амбара съ навѣсомъ нѣсколько запряженныхъ быками подводъ и копошившихся около нихъ бабъ и не утерпѣлъ, свернулъ въ эту улицу.

— Спросить... можетъ, знаютъ про наши мѣста...

Бабы и нѣсколько пожилыхъ мужиковъ, увидавъ направлявшагося къ нимъ человѣка въ синеватой австрійской шинели, пріостановили сгружать съ подводъ мѣшки и собрались вмѣстѣ.

Цыганковъ снялъ фуражку и поклонился.

— Добраго здоровья!—сказалъ одинъ изъ мужиковъ:—Изъ плѣну, видно?

— Изъ плѣну... домой!

— Чьихъ же будешь, добрый человѣкъ?

— Съ выселковъ за Петровскимъ поселкомъ, съ отрубовъ, что на Голой.,.

— А-а,—сказалъ мужикъ:—знаю, знаю...

— Вотъ изъ Австріи... добрался,—сказалъ Цыганковъ:—Какъ у насъ тутъ?

— Плохо, братъ... Про вашихъ не чули, а Петровскіе всѣ разбѣжались... сожгли ихъ... свободу имъ дали полную большевики... иди на всѣ на четыри!...

— За что жъ сожгли?

— А ты спроси ихъ!... за что они столько народу перепортили?..

— Охъ, лишечко!—сказала одна изъ бабъ плачущимъ голосомъ:—Такого натворили, такого натворили!.. Грабежу да пожаровъ, да смертоубійства.

— И што оно за время такое пришло?—сказала другая баба;—николи такого не було.

— Ну, а наши... они за Петровскимъ, за бугромъ верстовъ восемь,—сказалъ Цыганковъ съ тайной надеждой, что онъ услышитъ о своихъ болѣе утѣшительныя вѣсти.

— Не чули, чого не знаемъ, того не знаемъ,—сказала пѣвуче баба..

— Мы съ Коренной слободы... Петровскіе черезъ слободу проходили, а вашихъ никого не было... сказалъ мужикъ:—не чуть было... Богъ дастъ, благополучно!

— Да,—сказалъ Цыганковъ: — такія-то дѣла... Надо итить...

— Сходи, милый человѣкъ, сходи.. Самъ не поглядишь, ничего вѣрно не узнаешь!..—сказалъ мужикъ.

—Теперь время такое... Може и благополучно все у васъ. А людей не переслухаешь: такого набрешутъ!.. И не приведи Богъ!

— Надо итить!—сказалъ Цыганковъ.

— Счастливо!

— И-и-и, лишечко жъ!—пѣвуче заговорила баба,—мучается народъ... бѣдствуетъ..

Цыганковъ круто повернулъ и, притронувшись къ шапкѣ, сказалъ:

— Счастливо оставаться!

— Съ Богомъ!—напутствовали его хоромъ бабы —давай тебѣ Богъ!...

Цыганковъ, уже не останавливаясь и не разглядывая по сторонамъ, зашагалъ вдоль улицы въ степь...

II.

Широкимъ выцвѣтшимъ и слинявшимъ отъ осеннихъ непогодъ пологомъ раскинулась по обѣ стороны дороги степь.

Влѣво на перевалѣ зеленѣла озимь и, кромѣ этого, какъ будто нарочно врѣзаннаго квадрата, насколько хваталъ глазъ, виднѣлись запущенныя, непаханныя и некошенныя поля, заросшія бурьяномъ, прошлогодней „падалицей", буйнымъ чертополохомъ...

— Э э, видно, все лѣто не работали,—думалъ Цыганковъ, разглядывая знакомыя, давно не виданныя мѣста

Эта запущенная, пустынная, какъ будто забытая и заброшенная степь всѣмъ своимъ видомъ говорила о необычности пронесшихся надъ нею событій...

— Какъ въ Галиціи тогда,—припомнились почему-то Цыганкову неубранныя и нескошенныя галиційскія поля, по которымъ ему приходилось проходить осенью 1914 года, и которыя тоже навѣвали въ то

время неясную и тревожную грусть своимъ заброшеннымъ унылымъ видомъ.

. .На подернутомъ сѣроватою дымкою горизонтѣ обозначились три высокихъ кургана.

— Кураповы могилы,—вспомнилъ Цыганковъ:— вправо дорожка должна быть на Ивашино... влѣво, надъ балкой, на Петровскій поселокъ...

Тяжелая грязная дорога давала себя чувствовать... Сказывалась и долгая отвычка отъ ходьбы — результатъ долговременнаго пребыванія въ плѣну. Когда еще показались курганы, а все еще далеко они. Какъ ни торопился Цыганковъ, дорога сокращалась медленно.

Поражала пустынность степи. Ни одной встрѣчной или попутной подводы. Дорога совсѣмъ не наѣзжена, старыя колеи заросли цѣпкимъ стелющимся подорожникомъ.

— Давно, видно, бросили ѣздить,—соображалъ Цыганковъ.

И эта пустынность вселяла тревогу и заставляла торопиться и торопиться впередъ.

— Придти бы засвѣтло..

Цыганковъ дошелъ до кургановъ, спустился къ балкѣ, свернулъ на чуть замѣтную въ примятомъ и спутанномъ вѣтромъ бурьянѣ дорожку на Петровскій и остановился. Впереди передъ нимъ открылось пожарище на мѣстѣ уютно жавшагося когда-то къ пруду цвѣтущаго поселка.

Поселка не было.

Торчали изъ груды мусора печныя трубы, кое-гдѣ сѣрѣла смоченная дождями побѣлка стѣнъ, уныло сквозила на сѣромъ фонѣ неба почернѣвшая и обуглившаяся обрѣшетовка крышъ, пустыми, словно ослѣпленными впадинами темнѣли оконныя отверстія, и жутко

торчали оголенные отъ вѣтвей и сучьевъ обожженные и искалѣченные стволы деревьевъ...

— О, Господи!—невольно вырвались у Цыганкова похожія на стонъ слова:—Что же это?... что же это такое?!...

Почти бѣгомъ, забывъ усталость, бросился онъ къ поселку.

Жуткая щемящая тишина охватила его. Дворы стояли раскрытыми. Во многихъ были сорваны и брошены на дорогу двери и ворота. Кое-гдѣ валялись разбитыя вещи, порубленныя или сломанныя и брошенныя телѣги... Нигдѣ не видно было ни людей, ни скота. Ни одна собаченка не встрѣтила его лаемъ.

— О, Господи!—шепталъ Цыганковъ, чувствуя, какъ холодный липкій ужасъ схватываетъ его при видѣ этого вымершаго поселка, который онъ помнилъ цвѣтущимъ, богатымъ и полнымъ жизни.

Не останавливаясь и все ускоряя шагъ, онъ миновалъ поселокъ и для сокращенія пути пошелъ прямо безъ дороги черезъ бугоръ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли выдѣлившіеся на отруба и гдѣ былъ и его домъ.

Начало смеркаться, когда онъ съ бугра еще увидалъ и на отрубахъ то же, что увидѣть почти не сомнѣвался послѣ Петровскаго.

Такія же развалины, торчащія трубы и груды пепла на мѣстѣ построекъ..

— А а-а, Господи, Господи!..—почти завылъ Цыганковъ при видѣ этого опустошенія.

У него подкосились ноги, и онъ сѣлъ на землю, чтобы немного отдышаться.

— Петра Афанасьевича дворъ... Сухожилиныхъ... нашъ отрубъ,— оглядывалъ онъ унылую, начинавшую подергиваться сумерками картину:—за что же, Господи?!

Медленно, тяжело, словно придавленный непосильной ношей, поднялся онъ и, еле переступая, побрелъ къ своему двору.

Деревянная изба и пристройка къ ней были сожжены, и на мѣстѣ ихъ чернѣла лишь безформенная груда пепла. Крыша сарая провалилась внутрь. Закопченный дымомъ саманный амбаръ, лишенный крыши, былъ похожъ на плоскую татарскую саклю. На мѣстѣ садика, на который Цыганковъ вмѣстѣ съ отцомъ положилъ столько работъ, торчали пни.

Среди двора валялось погнутое желѣзное ведро съ намокшимъ и почернѣвшимъ обрывкомъ веревки на дружкѣ его... Цыганковъ долго, пока не стемнѣло, стоялъ надъ этимъ ведромъ и, какъ зачарованный, все не могъ отвести взгляда отъ его вогнутаго и покрывшагося темною ржавчиною бока.

Подулъ сильный, холодный пронизывающій вѣтеръ. Мелкія росинки дождя ударили по правой щекѣ.

— Такъ,—сказалъ Цыганковъ, какъ-бы очнувшись и подводя итогъ всему,—какія-то дѣла!

И толкнулъ ногою ведро разъ и другой, словно любуясь тупымъ металлическимъ звукомъ, какой издавало оно.

— Такъ вотъ они какія дѣла?! Надо въ Ивашино итить... можетъ, про своихъ чего узнаю.

И, не оглядываясь, снова зашагалъ черезъ бугоръ обратно по направленію на Петровскій поселокъ...

. . . .

...Такъ, въ австрійской грязной и вытертой шинели и обратившейся въ какой-то безформенный блинъ солдатской фуражкѣ предсталъ онъ недавно предъ комендантомъ на этапѣ саратовскаго корпуса.

— Хочу записаться на борьбу съ большевиками, ваше благородіе!—отчетливо по-солдатски заявилъ онъ...

И разсказалъ про свое возвращеніе домой на родину изъ плѣна:

— Вотъ только руки остались... винтовку еще могу держать...

— А родные? – спросили у него.

— Отца убили большевики .. брата насильно мобилизовали и угнали кудысь-то за Ставрополь... мати умерла...

— Вы что же, хотите узнать условія поступленія?

— Какія жъ условія?! Усе равно!.. Вотъ только не хотѣлось бы подъ Ставрополь попасть, противъ брата бы не очутиться случаемъ... А то усе равно, идѣ ни бороться...

Онъ такъ и выговаривалъ нѣсколько торжественно и книжно, сильно упирая на „о", слово „бороться".

— За одно бороться будемъ!..

Въ недавніе дни.

I.

Доставлявшія въ отрядъ продовольствіе бабы привезли извѣстіе, что въ Аксаѣ большевиками убитъ сотникъ Василій Петровичъ Маноцковъ, и что тѣло его, ограбленное, раздѣтое, обезображенное побоями, вотъ уже второй день лежитъ на берегу возлѣ станціи.

— Не велятъ хоронить... Васильевна, горюшка, убивается,—и-и-и!.. Легко ли матери?.. Такъ снущаются!..

Узнавъ о смерти брата, вахмистръ Иванъ Петровичъ въ тотъ же день съ разрѣшенія командира отряда пріѣхалъ въ станицу.

Мать, увидавъ его, охватила морщинистыми дрожащими руками его голову и замерла, всхлипывая и глотая крупныя, градомъ катившіяся слезы.

— Родимый мой,—могла только выговорить она,—Васюшку убили злодѣи!

Собрался семейный совѣтъ. Пришелъ старый-старый, почти не слѣзавшій съ печи дядя Семенъ Григорьевичъ, помнившій еще Якова Петровича Бакланова, пришли родственники, сваты, сосѣди. Зашелъ атаманъ.

Долго судили-рядили, какъ быть? Выручить тѣло замученнаго надо, надо предать его землѣ христіанскимъ погребеніемъ, чтобы не мучилась его душенька

на томъ свѣтѣ, но ѣхать за нимъ, всѣ находили это, нельзя. Почему-нибудь не выдаютъ же большевики тѣла убитаго для погребенія. Тетка Устинья Васильевна, живущая въ Аксаѣ, передала, что онѣ съ Варюшкой три раза были у комиссара съ просьбой объ этомъ, и всякій разъ уходили ни съ чѣмъ. Видно, ждутъ, что пріѣдетъ кто-нибудь изъ казаковъ, ушедшихъ въ степь съ отрядомъ. Держатъ тѣло нарочно на виду, какъ приманку. Ивану Петровичу ѣхать въ Аксай безсмысленно. Это значитъ самому даться въ руки. Надо переждать и наказать Устиньѣ Васильевнѣ, чтобы продолжала хлопотать у комиссара...

Такъ рѣшили въ одинъ голосъ старики, и атаманъ Семенъ Григорьевичъ при этомъ сказалъ:

— Душа его теперь прямо въ царство небесное пошла... все равно, какъ въ бою убитъ... А мало ли казачьихъ косточекъ въ разныхъ земляхъ безъ погребенія истлѣло!..

Женщины качали головами, глубоко вздыхали, но не возражали. Мать плакала, пробовала причитать и опять затихла и тоже согласилась съ очевидностью доводовъ, приводившихся стариками. Подвергать опасности и старшаго сына было нельзя...

Ворочаясь на постели, одолѣваемый не дававшими покою думами, Иванъ Петровичъ слышалъ, какъ вздыхала и плакала на лежанкѣ мать, стараясь не дать вырваться наружу рыданіямъ...

Забывшись подъ утро тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ, онъ вскочилъ, когда разсвѣло на дворѣ, и увидѣлъ, что мать уже встала и растопила печку.

Стараясь не давать воли слезамъ, она хотѣла заглушить работой горе, но работа валилась изъ рукъ. Она поминутно останавливалась, забывала про то, что начинала дѣлать, искала то, что было у нея въ ру-

кахъ, прислушивалась къ звукамъ, доносившимся съ улицы и, наморщивъ лобъ и закрывъ глаза, старалась припомнить что то важное, не дававшее ей покою А круглыя, мелкія, какъ росинки, невольныя слезы быстро-быстро, какъ будто торопясь, сбѣгали по морщинистымъ щекамъ мимо плотно сжатыхъ губъ и падали съ подбородка на грудь одна за другой, одна за другой, безъ перерыва.

— Нѣтъ, надо ѣхать выручать тѣло,—посмотрѣвъ на это безмолвное глубокое горе матери, сразу перерѣшилъ вчерашнее рѣшеніе семейнаго совѣта Иванъ Петровичъ.—Такъ она изведется хуже... и меня совѣсть потомъ замучитъ...

— Всталъ, Ванюшка?—сказала мать.—Сейчасъ, родимый, поисть соберу... картошка вотъ доварится.

И, возясь у печи, какимъ-то безучастнымъ тономъ, словно говорила о безразличныхъ обыденныхъ вещахъ, спросила:

— Коли жъ назадъ ѣхать будешь?..

— Нѣтъ, надо добыть тѣло, будь, что будетъ!—опять подумалъ Иванъ Петровичъ и сказалъ:—Я, маменька, въ Аксай поѣду, Васю выручать!..

— Въ Аксай?.. Ну-къ штожа... Поѣзжай съ Богомъ—сказала тѣмъ же безучастнымъ тономъ мать,—Картошка сварилась, сядь, поѣшь покель...

— Потомъ, маменька. Надо пойтить попутчика поискать,—сказалъ Иванъ Петровичъ и вышелъ, чтобы не видѣть этого хватающаго за сердце безмолвнаго горя.

— Двумъ смертямъ не бывать,—думалъ онъ, шагая по грязной исчерченной колеями улицѣ станицы.—Лучше голову сложу, чѣмъ такъ вотъ!..

II.

Чтобы не возбудить въ большевикахъ подозрѣнія, Иванъ Петровичъ рѣшилъ спуститься ночью въ лодкѣ по разливу и утромъ подтянуться къ Аксаю снизу. Попутчикомь согласился поѣхать пятнадцатилѣтній Егоръ Лактіоновъ, сосѣдскій паренекъ.

Выѣхали поздно ночью, когда совсѣмъ стемнѣло и въ станицѣ погасли огни. Крѣпкій низовый вѣтеръ развелъ большую волну; пришлось идти на веслахъ по разливу займищемъ, гдѣ не такъ чувствовалось волненіе. Вѣтеръ отжималъ парусиновый каюкъ, волны били прямо въ носъ съ шлепающимъ звукомъ и разсыпались по бокамъ шипящей пѣной. Каюкъ тупо и тяжело подвигался впередъ.

Егоръ, ѣздившій уже въ эту весну по займищу, зналъ воду и правилъ на кормѣ бабайкой; Иванъ Петровичъ гребъ.

Въ темнотѣ не видно было ни береговъ, ни неба, обложеннаго тучами; только около самаго борта вставали бѣлые гребешки волнъ да время отъ времени неожиданно выплывали изъ тьмы верхушки залитыхъ водою вербъ, принимавшія въ темнотѣ фантастическія очертанія и размѣры...

До утра пережидали въ кустахъ на лѣвомъ берегу, далеко ниже Аксая. Егоръ спалъ, свернувшись комочкомъ на кормѣ. Иванъ Петровичъ сидѣлъ на средней скамейкѣ качающагося каюка и старался придумать, какъ и что онъ скажетъ болшевикамъ, если они пристанутъ къ нему съ разспросами, и ничего не могъ придумать...

Было ясно одно, что назваться братомъ убитаго офицера и идти прямо просить о выдачѣ тѣла—нельзя: схватятъ; пожалуй, убьютъ. Возможно, что они освѣ-

домлены о томъ, что Иванъ Петровичъ тоже ушелъ съ отрядомъ... Не даромъ же не даютъ похоронить убитаго. Надо дѣйствовать снова черезъ Устинью Васильевну.

Утромъ съ попутнымъ вѣтромъ быстро добѣжали на парусѣ до Аксая.

Иванъ Петровичъ причалилъ къ группѣ лодокъ, стоявшихъ ниже станціи, и, захвативъ парусъ и бабайки, вмѣстѣ съ Егоромъ пошелъ въ станицу. Недалеко, на полотнѣ желѣзной дороги у товарнаго вагона стояла группа вооруженныхъ красногвардейцевъ. Иванъ Петровичъ ждалъ, что его остановятъ, и раньше, еще дорогой, уговорился съ Егоромъ, какъ объяснять цѣль пріѣзда въ Аксай, но на нихъ никто не обратилъ вниманія...

Тетка Устинья Васильевна, увидѣвъ Ивана Петровича, испугалась и расплакалась. Варя разсказала, что красногвардейцы злы на покойнаго Василія Петровича, и комиссаръ изъ мести не выдаетъ тѣла его для погребенія.

— Мы просили ужъ... онъ и разговаривать не хочетъ. Въ третій разъ даже не допустилъ къ нему. Такъ и ушли ни съ чѣмъ!..

...Условились, что женщины однѣ поѣдутъ на подводѣ къ станціи, Иванъ Петровичъ пойдетъ отдѣльно, чтобы не показываться вмѣстѣ съ ними на улицѣ.

Его поразило и значительно успокоило обиліе въ станицѣ незнакомыхъ и нездѣшнихъ людей—красногвардейцевъ съ винтовками, какихъ-то штатскихъ, бабъ и дѣвушекъ въ городскихъ нарядахъ.

Почти у самой станціи, когда онъ проходилъ по базарчику, его кто-то окликнулъ изъ кучки стоявшихъ у одной изъ лавченокъ красногвардейцевъ.

— Иванъ Петровичъ!

Сомнѣнія не было, его узнали.

— Пропалъ!—почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ Иванъ Петровичъ и, сдѣлавъ видъ, что не слышитъ, продолжалъ идти.

— Иванъ Петровичъ—продолжалъ радостно и возбужденно кричать тотъ же голосъ.—Постой, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ остановился и узналъ въ подходившемъ къ нему съ перекинутой на ремнѣ за спину винтовкой красногвардейцѣ иногородняго изъ станицы, Осипа Развилкина, съ которымъ покойный братъ Василій когда-то учился въ школѣ. Развилкинъ съ начала войны ушелъ изъ станицы и не появлялся больше въ ней.

— А-а, вотъ гдѣ пришлось стрѣться!—радостно говорилъ Развилкинъ, протягивая руку:

— Добраго здоровья!

Иванъ Петровичъ недовѣрчиво оглядѣлъ стараго знакомаго и нерѣшительно пожалъ его руку.

— Давненько,—сказалъ онъ.

— За братомъ?—понизивъ голосъ, спросилъ Развилкинъ.

— Да, надо бы похоронить,—сказалъ Иванъ Петровичъ, видя, что таить отъ Развилкина цѣль появленія своего въ Аксаѣ нѣтъ смысла.—Не выдаютъ вотъ только.

— Злы—весело сказалъ Развилкинъ:—онъ имъ залилъ тоже за шкуру сала!..

И серьезно и строго прибавилъ:

— Боже тебя сохрани самому ходить!.. Угадаютъ—убьютъ!

Иванъ Петровичъ разсказалъ наскоро Осипу свой планъ.

— Ну, идемъ, — снова весело, блестя зубами, сказалъ Развилкинъ. — Надо выручать пріятеля... тоже колись товарищами были... Може, и я помогу чѣмъ ни есть!..

— А ежели не дадутъ? — спросилъ Иванъ Петровичъ. — Придется попробовать ночью выкрасть...

— Выкрасть не штука — увезть трудно! — серьезно сказалъ Развилкинъ: — ночью по лодкамъ изъ пулеметовъ жарятъ... Пропадешь и самъ. Погоди, — посмотримъ!..

Развилкинъ провелъ его мимо стоявшихъ у входа часовыхъ на перронъ и остановился противъ расположенныхъ на берегу грязныхъ старенькихъ лавченокъ, въ которыхъ раньше торговали рыбой и икрой.

— Гляди вотъ! — указалъ онъ на что-то бѣлѣвшееся въ проходѣ...

Около одного изъ рундуковъ лежалъ голый окоченѣлый трупъ брата. Онъ лежалъ на боку, голова, залитая запекшейся теперь и смѣшавшеюся съ грязью кровью, была странно подогнута къ плечу; окоченѣвшая рука была вытянута и согнута въ локтѣ, будто покойный хотѣлъ отвести или нанести ударъ и такъ умеръ въ позѣ бойца...

Иванъ Петровичъ сдѣлалъ было шагъ по направленію тѣла, но Развилкинъ удержалъ его:

— Куда ты? Пропасть хочешь?!

Надо было сдержаться, не подавать виду, прикидываться равнодушнымъ.

— Отойдемъ немного — глухимъ, хриплымъ голосомъ сказалъ Иванъ Петровичъ. — А то душа болитъ!..

III.

Изъ станціи на перронъ въ сопровожденіи кучки красногвардейцевъ вышелъ коммиссаръ — высокій бри-

тый брюнетъ, въ котиковой шапкѣ и коричневой кожаной курткѣ. Сзади, стараясь не отстать, торопливо семенила плачущая Устинья Васильевна, за ней шла вытирая глаза платкомъ, Варюшка.

— Господинъ начальникъ,—говорила молящимъ голосомъ Устинья Васильевна:—сдѣлайте Божескую милость!.. Разрѣшите намъ похоронить ево...

Комиссаръ остановился.

— Я же сказалъ „нельзя", значитъ,—нельзя!. Что за народъ?! Въ шею васъ гнать прикажете?..

Развилкинъ и Иванъ Петровичъ подошли ближе.

— Господинъ комиссаръ,—строго сказала Варюшка: побойтесь вы Бога! Рязяжъ въ васъ души нѣту?!.. Ну, хотите, я стану передъ вами на колѣни?

Дѣвушка неожиданно опустилась на грязный перронъ.

— Вотъ я Христомъ Богомъ прошу!

Устинья Васильевна, съ трудомъ подгибая негнущіяся старыя ноги, стала на колѣни рядомъ съ нею и поклонилась до земли, касаясь лбомъ грязнаго перрона, у самыхъ ногъ комиссара.

— Батюшка! заплакала она навзрыдъ: - не сгущайся надъ мертвымъ!.. Смотри я—старуха, у меня голова вся бѣлая,—сдвинула она со лба закрывшій его платокъ и обнажила пряди сѣдыхъ волосъ:—я прошу тебя, какъ никого не просила!.. Я ноги твои цѣловать буду!

Устинья Васильевна охватила ноги комиссара и потянулась дрожащими губами къ его сапогу.

— Господа товарищи! истерически крикнула Варюшка:—что же это такое!? Скажите... скажите хоть вы этому...

— Ну, чего тамъ?—сказалъ Развилкинъ:—надо отдать, товарищи... пущай берутъ!..

— Правильно, товарищъ! поддержалъ его еще кто-то изъ красногвардейцевъ: — Довольно ужъ лежитъ... Все равно никого не поймаемъ. Не дураки тоже!..

Еще нѣсколько красногвардейцевъ поддакнули сочувственно.

Развилкинъ взялъ подъ плечо Устинью Васильевну:

— Встань, бабка... Не надо: товарищи и такъ отдадутъ!..

— Берите,— сказалъ комиссаръ, видя, что сочувствіе сопровождавшихъ его склонилось на сторону женщинъ: — Мы съ мертвымъ не воюемъ!..

— Покорнѣйше благодаримъ, господа товарищи! — пѣвучимъ тономъ сказала, всхлипывая, Устинья Васильевна: — Дай Богъ вашимъ матерямъ не испытать того же!..

Иванъ Петровичъ, стоя сзади Развилкина, еле сдерживалъ себя.

— Тетинька!.. родимая ты моя тетинька! — проносилось у него въ головѣ: — Во вѣкъ не забуду тебѣ этого!.. Ну, погоди, господа товарищи... Дайте срокъ!!

Комиссаръ съ красногвардейцами ушелъ дальше къ стоявшимъ поодаль вагонамъ. Развилкинъ принесъ оттуда разрѣшеніе на похороны убитаго и вмѣстѣ съ женщинами и Иваномъ Петровичемъ подошелъ къ трупу.

— Эхъ, Вася, Вася! — покачалъ онъ головою, — Войну всю отвоевалъ, до офицера дослужился... а вотъ тутъ...

— Васюшка! Да болѣзный ты нашъ голубеночекъ! - заголосила Устинья Васильевна: — На кого же ты насъ покинулъ?!

Варя плакала навзрыдъ, уткнувъ лицо въ платокъ. Иванъ Петровичъ сжалъ до боли кулаки и закусилъ губу.

Подошли и стали около нѣсколько любопытныхъ скучающихъ красногвардейцевъ.

— Погоди, бабка, потомъ, накричишься! успѣешь, —сказалъ Развилкинъ: — Подвода у тебя есть? Да брось ты голосить, сдѣлай милость!..

Кто-то изъ красногвардейцевъ засмѣялся.

— Есть, есть! — заторопилась Устинья Васильевна; — У вок ала стоитъ.

— Ну, надо переносить...— дѣловито сказалъ Развилкинъ и обратился къ Ивану Петровичу:—Ну-ка-ся ты, добрый человѣкъ, помоги поднять!

Иванъ Петровичъ молча снялъ папаху и перекрестился.

— Возьмемъ!— односложно сказалъ онъ.

— Берись за плечи. Такъ! — командовалъ Развилкинъ.— Подсобите, товарищи!..

Иванъ Петровичъ, Развилкинъ и одинъ изъ красногвардейцевъ, добровольно предложившій свою помощь, подняли истерзанное, поруганное тѣло. Варя побѣжала впередъ подать поближе лошадь...

— —

НАШИ ЦѢЛИ.
ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ.

Опубликовано слѣдующее оффиціальное сообщеніе Предсѣдателя Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ вооруженными силами на Югѣ России, отъ 10—12 апрѣля.

Главное командованіе на Югѣ Россіи обратилось къ правительствамъ Союзныхъ Державъ черезъ ихъ оффиціальныхъ представителей со слѣдующей декларацией:

„Прошу васъ довести до свѣдѣнія вашего правительства о цѣляхъ, какія преслѣдуетъ командованіе вооруженными силами Юга Россіи въ вооруженной борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строительствѣ.

I. Уничтоженіе большевистской анархіи и водвореніе въ странѣ правового порядка.

II. Возстановленіе могущественной Единой и Недѣлимой Россіи.

III. Созывъ Народнаго Собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права.

IV. Проведеніе децентрализаціи власти путемъ установленія областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія.

V. Гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія.

VI. Немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія.

VII. Немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ".

Подлинное подписали: Главнокомандующій вооруженными силами Юга Россіи, генералъ-лейтенантъ ДЕНИКИНЪ, Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, генералъ-отъ-кавалеріи ДРАГОМИРОВЪ и члены Особаго Совѣщанія Николай Астровъ, С. Безобразовъ, А. Герасимовъ, В. Лебедевъ, А. Лукомскій, С. Масловъ, А. Нератовъ, Д. Никифоровъ, И. Романовскій, В. Степановъ, А. Цакани, Н. Чебышевъ, В. Челищевъ, Н. Шиповъ, Е. Шуберскій, В. М. Энгельке, М. Федоровъ.

Ген. ДЕНИКИНЪ
О РАБОЧЕМЪ ВОПРОСѢ.

На имя Предсѣдателя Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ воооуженными силами Юга России получено 24 марта 1919 г. слѣдующее письмо съ изложеніемъ взгляда ген. Деникина на разрѣшеніе р а б о ч а г о вопроса въ Россіи:

„Русская промышленность разрушена совершенно, чѣмъ подорвана государственная мощь Россіи, разорены предпріятія и лишены работъ и хлѣба милліоны рабочаго люда.

„Предлагаю Особому Совѣщанію приступить немедленно къ обсужденію мѣръ для возможнаго возстановленія промышленности и къ разработкѣ рабочаго законодательства, принявъ въ основу его слѣдующія положенія;

1) Возстановленіе законныхъ правъ владѣльцевъ фабрично-заводскихъ предпріятій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпеченіе рабочему классу защиты его профессіональныхъ интересовъ.

2) Установленіе государственнаго контроля за производствомъ въ интересахъ народнаго хозяйства.

3) Повышеніе всѣми средствами производительности труда.

4) Установленіе 8-часового дня въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ.

5) Примиреніе интересовъ работодателя и рабочаго и безпристрастное рѣшеніе возникающихъ между ними споровъ (примирительныя камеры, промысловые суды).

6) Дальнѣйшее развитіе страхованія рабочихъ.

7) Организованное представительство рабочихъ въ связи съ нормальнымъ развитіемъ профессіональныхъ обществъ и союзовъ.

8) Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женскаго и дѣтскаго труда, устройство санитарнаго надзора на фабрикахъ и заводахъ и въ мастерскихъ, улучшеніе жилищныхъ и иныхъ условій рабочаго класса.

9) Всемѣрное содѣйствіе возстановленію предпріятій и созданію новыхъ въ цѣляхъ прекращенія безработицы, а также принятіе другихъ мѣръ для достиженія той же цѣли (посредническія конторы по найму и проч.).

Къ обсужденію рабочаго законопроекта надлежитъ привлечь представителей, какъ отъ предпринимателя, такъ и отъ рабочихъ. Не ожидая окончательной разработки и осуществленія рабочаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ текущей жизни и административной практики въ мѣрѣ возможности примѣнять эти основныя положенія и въ частности оказать государственное содѣйствіе къ обезпеченію рабочихъ и ихъ семействъ предметами первой необходимости за счетъ части заработка.

Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ.